

75
ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

И 20.
Р 33878.

ДЯДЯ КОСЯ

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

Дядя Костя

ПЬЕСА В ДВУХ
КАРТИНАХ

1945

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„Искусство“

Москва — Ленинград

чатку, гранаты и пистолеты. На Западной дороге по важнейшему участку Орша — Смоленск в момент яростного наступления немцев на Москву начались крушения, взрывы и порча паровозов. По неполным данным, за декабрь 1941 и январь—февраль 1942 года—до своего ухода со станции Орша — Заслонов уничтожил 178 паровозов и пустил под откос 11 поездов, было брошено в пути, якобы из-за морозов, 75 поездов; убито и ранено несколько тысяч немцев. Немцы за голову неизвестного партизана назначили 5 000 рублей.

Заслонов уходит в леса Белоруссии. Пятьдесят крушений поездов устроил отважный партизан. Разгромлено несколько немецких волостей. Сожжены или отобраны десятки тысяч тонн хлеба. Уничтожено около 15 000 немцев. За голову Заслонова назначено 80 000 марок или крупный завод в Германии. Заслонов неуловим.

Правительство Союза награждает его орденом Ленина. После смерти, последовавшей во время яростного боя с захватчиками возле деревни Н., Заслонов получил звание Героя Советского Союза.

Его отряд успешно продолжал борьбу с немцами в лесах Белоруссии, храня заветы Заслонова: смелость, беззаветную преданность отчизне — все то, что рождает подвиг, рождает имя героя!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Константин Сергеевич Заслонов — инженер, начальник русских паровозных бригад депо Орша, Западной железной дороги, 34 лет.

Евгений Коржень — слесарь депо, 22 лет.

Осип Иванович Чеба — машинист, пожилой.

Пелагея Семеновна — его жена.

Егорушкин — начальник водоснабжения депо.

Ася — переводчик шефа станции, молодая девушка.

Штумфе — шеф станции, 45 лет.

Полковник Краутс — направлен в Оршу с особым поручением гестапо Смоленска.

Повар-немец.

Действие происходит на станции Орша в начале 1942 года.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Проходная комната перед кабинетом шефа станции. Три двери: направо, налево и на заднем плане. Видно стремление победить мороз и беспорядок. Двери прикрыты портьерами, но все портьеры разного цвета и формата. Железная печка, трубы от нее пересекают комнату; печь обложена кирпичом, который побелен и даже украшен розочками. Возле печки стоит Штумфе, невзрачный, с белыми ушами и тупым бледным носом. Он греется. Поодаль, у дверей на заднем плане, повар, широкомордый, отъевшийся, чертит в записной книжке.

Штумфе. Куриную котлету! Если у господина полковника плохое настроение, оно немедленно проходит, едва он отведаст куриной котлеты. Ты понимаешь, Карл, что такое прекрасная куриная котлета?

Повар. Уверяю вас, господин шеф, что господин полковник зажмурит глаза от удовольствия, увидев мою куриную котлету, если...

Штумфе. Что если?

Повар. Если не прилетят русские самолеты. Позавчера сгорели все котлеты, испортились все соусы, так как бомбой убило моего подручного Рудемахера.

Штумфе. Сегодня русские не прилетят. Теперь поговорим о третьем. На третье — свиную отбивную.

Повар. Свиную отбивную после куриных котлет? Извините меня, господин шеф, но я испорчу всю свою репутацию, — а я работал у Шлейхеля! — если...

Штумфе (грозно). Если?..

Повар. ...если буду готовить после куриной свиную отбивную.

Штумфе. Готовишь не ты. Готовит война. А господин полковник Краутс — любимец войны, и он любит одновременно есть свиные и куриные котлеты. Кругом марш!

Повар уходит. Телефонный звонок.

Эге. Я. Штумфе. Что? Как? Кем? Кем, повторите, могли быть уничтожены маслопроводы на паровозах? Паровозы не могут, говорите, быть поданы к поездкам?! Задерживаете движение?!

А вам известно, обер, что приехал сюда сам господин полковник Краутс? Вы... Вы...

К р а у т с появляется в дверях.

К р а у т с (разматывая шарф). Скажите ему, что он арестован мною на две недели.

Ш т у м ф е. Вы арестованы на две недели! Негодяй!.. (Краутсу.) Но маслопроводы повреждены не на моей станции, господин полковник, не на моей. На соседней. Холодно? Ближе к огню, господин полковник.

К р а у т с. «Не на моей». А на вашей сегодня заморозили семь паровозов, которые и не подали к поездам! Поздравляю вас, шеф. Семь паровозов! Вы думаете, фюрер поблагодарит вас за это?

Ш т у м ф е. Боюсь, что мои недоброжелатели очернили перед вами, господин полковник, мою станцию.

К р а у т с. Ничего, я ее выбелю. Я приказал повесить двоих русских, подозреваемых в порче паровозов.

Ш т у м ф е. Ха-ха! Чертовски рад видеть вашу решимость, господин полковник.

К р а у т с. С какой поры, Штумфе, вы стали любоваться чужой решимостью? У вас уже нехватает своей? Что с вами, Штумфе? На поезд № 884 я приказал вам назначить луч-

шего машиниста депо. На поезде № 884 поедет мой специальный отряд. Фамилия машиниста?

Штумфе. Через пять минут придет инженер Заслонов, и мы выберем лучшего машиниста, господин полковник.

Краутс. Хорошо. Я подожду Заслонова.
(Садится к печке.)

Штумфе раскрывает дверцу, и они греют руки.

Вы бывали прежде в России, Штумфе?

Штумфе. Только проездом, господин полковник.

Краутс. Вам легче, вы—северянин. А я с юга, и меня грызет тоска, когда день и ночь передо мной эти снега, эти угрюмые люди и эти меха, которые облеплены сталактитами мороза. Я не могу поверить, чтобы русские из любви защищали свою страну. Им приказали.

Штумфе. Да, приказ много значит в этом мире, да и в том, наверное, господин полковник. Нам приказал фюрер взять эту страну. Мы ее взяли. Нам прикажут ее возделать. Мы ее возделаем. Я, например, человек приказа. Мне приказано облагоденствовать эту страну...

Краутс. Любопытно, как вы ее облагоденствовали?

Штумфе. В семи километрах от города, возле Днепра, находится лесной завод № 3. При помощи общества «Восток» я купил его. И очень дешево...

Краутс. Пять минут прошло. Где же ваш инженер?

Штумфе. Странно. Он никогда не опаздывает.

Краутс. Рупнус, комендант города, ваш друг?

Штумфе. Мы — школьные товарищи.

Краутс. Я сместил его. За бездеятельность. Он пьяница, обжора, создал гнездо роготеев.

Штумфе. Так, так, господин полковник. Я подозревал это.

Краутс. Бургомистр Генрих фон Недерейгор...

Штумфе. О, шапочное знакомство! Его давно пора было сместить...

Краутс. Я его назначил одновременно и комендантом города.

Штумфе. О-о?! Вы хотите сказать...

Краутс. Что я хочу сказать?

Штумфе. Что я тоже смещен?

Краутс. Я вас смещу, если к завтрашнему дню вокруг вас не будет людей, преданных вюреру.

Штумфе. Иных людей возле меня нет и не было, господин полковник. Я сам индивидуалист, собственник, и все окружающие меня — с душой бешеных индивидуалистов, собственников... и так далее...

Краутс. Не пытайтесь философствовать, Штумфе. Вы умеете торговать — и торгуйте, покупайте людей. Философией пистолета займемся мы. Сколько вы платите Заслонову?

Штумфе. Он — крупнейший специалист. Он получает четыреста пятьдесят марок. Великолепный работник!

Краутс. В какой области?

Штумфе. Он — инженер-паровозник, начальник русских паровозных бригад.

Краутс. Заслонов имеет право сам нанимать техников и рабочих?

Штумфе. А что, господин полковник?

Краутс. А то, что он не только в своем депо, — на все важнейшие узлы расставил партизан, присланных из Москвы! От Смоленска до Орши! На всех станциях помощниками начальников он поставил своих.

Штумфе. Не ошибаетесь ли вы, господин полковник? Эти люди... Невозможно, господин полковник!

Краутс. «Эти люди» едут сюда, в Оршу,

на поезде 99. Их вызвал Заслонов! Мой поезд 884, на который вы все еще не дали хорошего машиниста, арестует «этих людей». Приезд «этих людей» — взрыв в одном клубе, одно убийство — не меня ли? — вот чем встретила нас сегодня Орша!

Штумфе. Если Заслонов виновен хоть в сотой доле, его необходимо повесить!

Краутс. Я не сомневаюсь в его виновности.

Входит Ася.

Ася. Господин шеф, явился инженер Заслонов.

Штумфе (*изумленно, Краутсу*). Явился? Вы его сюда вызывали?

Краутс. Его вызвали совсем в иное место. Я изумлен не менее вашего, Штумфе. Попросите сюда инженера Заслонова.

Ася открывает дверь. Входит Заслонов. Ася уходит. Заслонов небольшого роста, подвижной и стройный человек, в черном пиджаке. Лицо его хранит деловое выражение, в руках папка. Он молча раскладывается и разворачивает, как в ни чем не бывало, папку с бумагами.

Заслонов. Извините, господин шеф. Меня несколько задержали в гестапо: требовались

кое-какие пояснения. Вы приказали сформировать бригаду на поезд 884? Есть следующие кандидатуры: Соботов — великолепный машинист, серьезный, устойчивый, у большевиков был на плохом счету; Набенко — тоже прекрасный машинист, у большевиков подвергался репрессиям, так же как и Мифодиев...

Штумфе. Я не вижу в вашем списке машиниста Чебы.

Заслонов. Машинист Осип Чеба староват, а кроме того, репрессиям у большевиков не подвергался.

Краутс. Почему вы так настойчиво подчеркиваете репрессии?

Заслонов. Потому что репрессии мешают работе, господин полковник, а я энтузиаст работы, господин полковник, я узкий специалист: большевики мне мешали работать.

Краутс. Мы наступали на Оршу. Зажгли станцию и вагоны с грузами для русских войск. Осколком снаряда пробило цистерну с бензином. Вырвавшаяся струя загорелась. Грозил взрыв. Тогда один инженер взобрался на охваченную пламенем цистерну и фуражкой заткнул пробойну. Инженер под обстрелом сдерживал бензин, пока его помощники не изготовили деревянную пробку. Что, инженер поступал так для большевиков потому, что боялся

большевистских репрессий? Фамилия того инженера не Заслонов ли?

З а с л о н о в (Штумфе). Разрешите, господин шеф?

Ш т у м ф е. Говорите.

З а с л о н о в. Несколько дней тому назад через станцию Орша проезжал в своем поезде немецкий генерал. Прилетели большевистские самолеты. Началась бомбежка. Генерал искал убежища. Его встретил один инженер. «Пожалуйста сюда, господин генерал,—сказал он,—здесь безопасно». И он проводил его в убежище под депо. Генерал спасся. Когда поезд его отходил, он вручил свою визитную карточку инженеру и сказал: «Если у вас будут какие-либо неприятности с моим учреждением, покажите эту карточку, к вам будут внимательны». Что, инженер, спасая немецкого генерала, поступил так, боясь немецких репрессий? И фамилия у того инженера была не Заслонов ли?

Ш т у м ф е. Простите, а фамилия его превосходительства?

З а с л о н о в. Генерал фон Бургтер. Не ваш ли это прямой начальник, господин полковник? Извините, господин полковник, я не знал, что вы здесь. Мне нужно было спешить к господину шефу... и я осмелился вручить карточку генерала вашему помощнику. Он очень вежливый

и исполнительный офицер. Немедленно же он позвонил в Смоленск и принес мне извинения от вашего имени, господин полковник.

Краутс. Подтверждаю свои извинения, господин инженер. Время военное, случаются всякие ошибки.

Заслонов. В детстве я любил читать рассказы о сыщиках и знаю, что даже в мирное время сыщики часто ошибались, а где же им не ошибаться в военное! (Штумфе.) Прикажете читать дальше список машинистов, господин шеф?

Краутс. Но почему бы вам не включить в этот список машиниста Осипа Чебу?

Штумфе. Да, почему бы не включить?

Заслонов. Осип Чеба обычно не направляется в поездки. Его опыт используется в депо. Вы знаете, множество рабочих ушло с большевиками, нам надо готовить новые кадры...

Краутс. Эта поездка—не обычная поездка.

Штумфе. Мы пошлем Осипа Чебу с поездом 884.

Заслонов. Слушаюсь. Прикажете итти?

Штумфе. Да, можете итти.

Краутс. Минутку, господин инженер. Вот вы говорите, что многие инженеры и рабочие ушли с большевиками? Как — по своей воле

или силой оружия? Ведь вы тоже ушли с большевиками.

Заслонов. Я слез в Вязьме и там остался, с тем чтобы вернуться в Оршу, господин полковник.

Краутс. А не в Москву?

Заслонов. Нет, не в Москву.

Краутс. Ваша семья в Москве?

Заслонов. Она слезла вместе со мной в Вязьме, а затем перебралась в Смоленск. Я позволил себе оставить ее пока там, но теперь выписал. Она едет в поезде № 99. Я разрешил себе ходатайствовать перед генералом фон Бургтер, и он помог моей семье...

Штумфе. Генерал фон Бургтер — очень любезный и обаятельный человек.

Заслонов. Да, он исключительной обаятельности. Между прочим, господин шеф, в поезде № 99 едут в Оршу помощники начальников станций. Их вызвали согласно инструкции «К-61» управления по борьбе со снежными заносами. Я крайне заинтересован в этой борьбе, так как в текущем месяце на участке Орша — Смоленск из-за заносов и недостатка воды брошено семьдесят пять поездов. Движение задержано, вину валят на паровозников, — это возмутительно! Потому я позволил себе обратиться с просьбой к вашему

заместителю вчера ночью, и он согласился вызвать согласно инструкции «К-61»...

Краутс. Инженер!

Заслонов. Слушаю, господин полковник.

Краутс. Хотите ехать на выгодную работу в Германию?

Заслонов. В какой город и на какой оклад?

Краутс. Зальцбург. Оклад — семьсот марок.

Заслонов. Могу взять и семью?

Краутс. Разумеется.

Заслонов. Зальцбург, Зальцбург... Позвольте, но ведь его, кажется, усиленно бомбят союзники, и так как я не уверен, что союзные бомбежки легче русских...

Краутс (вспыхнув). Инженер!

Заслонов. Господин полковник! Сегодня прибудет моя семья. Я готов. Хоть завтра.

Штумфе. Как завтра?

Краутс. А почему бы ему действительно не уехать завтра?

Штумфе. Как же я останусь? У меня заносы, у меня летят под откос поезда, у меня нет опытных паровозников... Кругом метели, снега по горло... Мне нужно с моего лесного завода вывезти десять тысяч щитов, пятьдесят тысяч лопат и столько же метел, не считая ста

тысяч колбев! Все это надо развезти по дороге, раздать, а вы у меня, господин полковник Краутс, увозите лучшего паровозника. Как будто в Зальцбурге нет паровозников. Не всех же их разбомбили, чорт возьми!

К р а у т с. Господин Штумфе, я послан сюда с чрезвычайными полномочиями германского гестапо.

Ш т у м ф е. У меня тоже чрезвычайные полномочия, господин полковник. И, кроме того, у меня железная дорога и мой лесной завод. Я должен добиться, чтобы мой поезд ходил по графику, а мой завод доставлял свою продукцию туда, где она должна находиться. Вы понимаете — мой завод. Россия — страна непривлекательная, мрачная, но она дала мне мой завод. Кто знает, при других обстоятельствах я, быть может, всю жизнь влачил бы ярмо шефа станции, а здесь... И мой завод забит лесоматериалами, а в полях — метели, поезд останавливаются, а вы, господин полковник, говорите, что инженер Заслонов...

К р а у т с. И тем не менее инженер Заслонов завтра с поездом семь двадцать выедет в Зальцбург. Как вы думаете, господин шеф, не пора ли нам проводить мой поезд 884? *(Идет к дверям.)*

Ш т у м ф е. Господин полковник, вы меня,

видимо, плохо поняли. Чрезвычайно плохо. Я хочу сказать...

Штумфе и Краутс уходят.

Заслонов. Придется план отменить...
(Думает, ходит. Движения его убыстряются.)
Нет, и этак не годится.

Дверь распахивается. Быстро вбегает Коржень, белокурый, розовощекий паренек. Спустя некоторое время появляется Осип Чеба, хмурый, скупой на слова и движения.

Коржень. Дядя Костя, меня на поезд 884?

Чеба. Да и меня, Константин Сергеич, туда — машинистом?

Заслонов (о своем). Не годится...

Коржень. Ясно, не годится. У меня другое задание, ха-ха!

Чеба. Не годится мне ехать машинистом 884.

Заслонов (знаком приказывает закрыть дверь, подзывает Чебу и Коржня к себе). Я говорю, что весь наш план не годится. Полковник Краутс гораздо прозорливее, чем мы думали. Он разгадал все.

Коржень. Ну да! Уж и все?

Заслонов. Он угадал, что в поезде 99 в

Оршу едут наши люди, что мы готовим взрыв в клубе лесопромышленности, что мы готовимся убить его. Он только не вполне уверен, что я догадался о его догадке.

Коржень. Теперь я понимаю!

Заслонов. Что ты понимаешь, Женя?

Коржень. Я понимаю так: дядя Костя поручает мне убить полковника Краутса в Орше, а тот удирает в поезде 884. «Хорошо,— говорит дядя Костя,— удирай, но удерешь ли?» Женя Коржень, зажав в руке пистолет, едет в том же поезде. Мало того. Дядя Костя ухитряется машинистом в том же поезде 884 поставить Чебу, который в тот же день должен был произвести взрыв в клубе лесопромышленности. Чеба вместо клуба взрывает через минуту поезд 884, поскольку в нем едут в Смоленске те же фашисты, что должны заседать в клубе лесопромышленности. Верно, дядя Костя?

Заслонов. Полковник Краутс и городские фашисты не едут в поезде 884, дорогой мой Женечка. Мой план отменяется.

Чеба. Выходит, мне другое задание?

Заслонов. Да, другое. Поезд 884 столкнись с поездом 99. Чтоб 884 — вдребезги! В живых — ни одного гестаповца! Их семьсот штук! Поезд 99 цел. На каждого из наших в поезд 99 дана пара лыж. Вот боюсь, по этим-

то лыжам полковник Краутс и догадался. На тебя, Женя, тоже приготовлена пара лыж.

Коржень. В каком смысле, дядя Костя?

Заслонов. А в том, что ты поведешь наших по лесному маршруту. Ко мне.

Коржень. Стало быть, в леса, дядя Костя? Ух, и давно ж я мечтал быть лесным партизаном!

Заслонов. Да, в городе быть тебе вредно, Женя.

Коржень. В каком смысле, дядя Костя?

Заслонов. Болтлив становишься.

Коржень. Чтобы я болтлив? Я, дядя Костя, всегда нем, как пенек!

Заслонов. Я еще ничего не знаю, я догадываюсь, но если узнаю...

Коржень. Руби голову!

Заслонов. Ну, вам пора, друзья, итти. Ты что, Осип Иваныч, задумался? Трудно выполнить задание?

Чеба. Задание выполню, Константин Сергеич. Боюсь за жену. Нервная. Одна дома ночью боится оставаться. Вампиры эти бродят. Поищи ей какие-нибудь слова. Успокой. Ты в состоянии, Константин Сергеич. А я что ж, я народное задание выполню... Вот только насчет Пелагеи Семеновны... Супруга нервная, вампиры пытать начнут...

Заслонов. Не придется пытаться, Осип Иванович, жизнью клянусь... Так, стало быть, увидимся в лесах?

Чеба. Там увидимся или нет, бог знает, а задание выполню.

Заслонов. Ну, что-то ты уж очень мрачен, Осип Иванович!

Чеба. Сказал, задание выполню — значит, выполню. А как я его выполню, с песней или молча, — мое дело. Прощай, Константин Сергеевич!

Коржень. Я тебе раскрою его смысл, дядя Костя. Он человек такой, что если за одно дело уцепился, он за него держится, и на другое дело ему переходить трудно. Вот поручил ты ему взрыв в клубе лесопромышленности, он и...

Чеба. Эх ты, Коржик, много ты понимаешь во мне... Идем!..

Чеба и Коржень уходят. Заслонов берет трубку телефона.

Заслонов. Начальника водоснабжения депо. Егорушкин? Что это такое, Егорушкин? Только что ко мне приходил машинист Чеба: воды на паровоз к поезду 884 нехватило. Вы понимаете или нет, что вы делаете? Докуда это будет продолжаться? Да. Я у шефа. Ладно. приходите.

Входит Ася с шахматной доской.

А с я. Шахматы. Приказание шефа. Куда поставить?

Заслонов. Давно я не играл в шахматы... Ха-ха-ха! Что вы грустная, как Чичиков, Ася?

А с я. Потому же, почему вы веселый, как Ноздрев, Константин Сергеевич. Попали мы с вами в «Мертвые души».

Заслонов (*расставляя шахматы*). Не думаю, не думаю так, Ася. Я сегодня имею желание обыграть шефа.

А с я. Обыграть вообще или только в шахматы?

Заслонов. Что значит вообще?

Входит Штумфе.

Штумфе (*входя, с порога*). Ага! Шахматы уже здесь. Сейчас я отправлю поезд 884 и вернусь. О, мы сегодня отлично будем играть, инженер Заслонов! Сейчас, сейчас... (*Уходит.*)

А с я. Вот шеф вам и ответил, что значит вообще играть.

Заслонов. Я его не понял, так же как и вас, Ася.

А с я. На столике у печки — шахматная доска, два стула. А на самом деле игроки играют со смертью.

Заслонов. Ну, если рассматривать жизнь

в лупу, жизнь всегда будет казаться игрой со смертью.

А с я. Штумфе рассматривает вашу жизнь в лупу.

З а с л о н о в. А как же вы хотите? Ведь я — русский, а он — немец. Он только что покорила мою страну, и я только что согласился работать с ним. Естественно, что он мне не доверяет.

А с я. Настолько, что опасается, как бы не вышли к специальному поезду № 884 и не узнали, сколько в поезде гестаповцев. Он приказал мне расставить шахматы, а вам — ждать его у шахмат.

З а с л о н о в. Я с удовольствием посижу у шахмат, А с я. Меня не интересуют поезда специального назначения.

А с я. Будто бы?

З а с л о н о в. Сколько вы получаете, А с я, в качестве немецкой переводчицы?

А с я. Вы хотите сказать, что я дешево продалась?

З а с л о н о в. Тот, кто считает, что он продался, ему всегда будет казаться — дешево. Я вот, например, работаю с немцами из ненависти к большевикам, и мне безразлично, сколько мне платят. Если я требую у немцев высокой оплаты, то потому, что они еще сильнее уважают тех, кому дорого платят.

А с я. Да, я знаю, что вы психолог.

З а с л о н о в. Шефа нет. Не сыграть ли нам пока в шахматы?

А с я. Почему Женя Коржень послан с поездом 884?

З а с л о н о в. Выбор шефа. На станции Галом плохие слесари, а случается так, что при скоростной обработке поездов нужен хороший слесарь.

А с я. Гладко.

З а с л о н о в (берет трубку). Кто у селекторов? Так, так. Это—Заслонов. Ладно. (Кладет трубку, снова берет.) Дежурного по северному кругу. Это — Заслонов. Как у вас там? Так, так... Нет, мы из промывочного ремонта, паровозы сегодня выпустим по норме, Василий Петрович. У тебя там пол-литрика водочки не найдется взаймы. Так... так... Спасибо, пришлю Егорушкина. (Кладет трубку.) Ах, сегодня я, Асенька, выпью и закушу.

А с я. Чем закусите?

З а с л о н о в. Закусил бы вами, но у меня сегодня жена приезжает. Любил я вас, Ася, намекал, а вы не поняли и допустили до того, что моя жена приезжает.

А с я. Удивительно, откуда в вас, Константин Сергеич, столько притворства?

З а с л о н о в. Ей-богу, я вас, Ася, люблю.

Но, думаю, зачем мне губить жизнь хорошей девушки, догублю, поскольку начал, жизнь своей жены. *(Берет телефонную трубку.)* Стол диспетчера. Григорий Матвеевич? У меня сегодня с поездом 99 жена приезжает. Василий Петрович занял мне пол-литра, а больше у него нет. Ты не одолжишь? Ну вот, спасибо, зайду. Целую, милый, — хороший. *(Кладет трубку. Асе.)* Нам не страшны метели и морозы, когда среди нас водка и ваши розы. Ура!

А с я. И друзья?

З а с л о н о в. Мы только с друзьями и собираемся.

А с я. Почему же вы тогда отправили Коржня?

Вбегает Ш т у м ф е.

Ш т у м ф е. Зачем сюда к вам приходил машинист Чеба?

З а с л о н о в. Он жаловался на Егорушкина: безобразия, воды для паровоза нехватило!

Ш т у м ф е. Разве машинист Чеба не мог пожаловаться мне?

З а с л о н о в. Я его и направил к вам, господин шеф. Разве...

Ш т у м ф е. Да, да, он был у меня! О-о-о... *(Уходит.)*

А с я. Волнуется. Вдруг Чеба — партизан?

Краутс припугивает шефа, хочет в долю в лесной завод войти, а этот вцепился. Ах, как отвратительно все это, Константин Сергеич, как отвратительно!

Заслонов. Мне кажется, вы ошибаетесь, Ася. И полковник Краутс и шеф — высокоиндейные люди. Что касается Чебы, то он — вне подозрений. Шеф волнуется — метели, мины, морозы...

Ася. Константин Сергеич! Я не могу. Я скажу. Я знаю.

Заслонов. Ничего вы, Ася, не знаете, а только воображение.

Ася. Знаю. Коржень должен был исполнить какое-то ответственное поручение. Полковник Краутс напал на его след. Вы отправляете Женю, жертвуя своей жизнью. Константин Сергеич, поезд 884 не отошел. Идите туда, паровозники вас спрячут...

Заслонов. Эка куда вас, Ася, бросило!

Ася. Константин Сергеич, если вас убьют, я буду виновата в вашей смерти. Я!

Заслонов. Ася, что с вами?

Ася. Вчера Женя... ну, он сказал, что любит меня!

Заслонов. Ага, вот почему вы так холодно относитесь к моим признаниям!

Ася. Подождите. Мы стали говорить о на-

шем счастье. Он бросил намек: «Счастье будет, если уцелею».

Заслонов. И он прав. Паровозные рейды теперь опасны: мины, партизаны...

Ася. Другое, другое. Он не сказал мне ничего, Константин Сергеич, ничего. Но ведь я его люблю, и у меня сердце. Он выбрал дальше, в разговоре, полковника Краутса, и я поняла, что полковнику угрожает опасность...

Заслонов. Вздор какой!

Ася. Вы ведь Верочку Максимову знаете? Мою подругу? Вчера, после разговора с Женей, я встретила Веру. На улице. «Куда?» Смеется: «На свидание». — «А я со свидания». Подружка верная. Я не сказала, с кем свидание у меня. И она не сказала, с кем у нее, а утром еще забегала ко мне. Я узнала позже: в кабинете шефа ее встретил Краутс... Краутс пригласил ее в компанию офицеров... Она подвыпила и, подвыпив... Ах, Константин Сергеич, я не сказала, с кем у меня свидание, и у нее не могли выпытать даже моего имени...

Заслонов. Прекратим этот разговор.

Ася. Но ее пытали! Ее пытали! Всю ночь.

Заслонов. Ася! Вы нездоровы, вы бредите. Немцы — мои друзья, и я не позволю гово-

ритель о них ложь. Они не пытаются, и тем более девушек. Идите домой, лягте в постель, примите аспирин.

А с я. Константин Сергеич, поверьте мне...

З а с л о н о в. А вы мне поверили, что я вас люблю?

А с я. Вы играли.

З а с л о н о в. Будем считать, что и вы играете и забавляетесь. И не ваша игра у меня в голове. Я интересуюсь сыграть с моим шефом. *(Идет к двери, раскрывает ее и кричит в коридор.)* Господин шеф, что же вы? Шахматы застоялись, как кони.

А с я. И неужели вы мне не верите только оттого, что я переводчица с немецкого? Константин Сергеич, я заставлю вас мне поверить! Я...

З а с л о н о в. Прекратим этот разговор.

Входит Ш т у м ф е.

Ш т у м ф е. Прекрасно! Поезд 884 прошел уже несколько перегонов без остановки. Осип Чеба — великолепный машинист. Начинаем партию?

З а с л о н о в. Давно я не играл в шахматы... Над чем вы задумались, господин шеф? Ходите.

Штумфе. В соседней комнате шумят. Ваш первый ход...

Заслонов. Я уже давно сделал его, господин шеф. Может быть, нам перейти в ваш кабинет, господин шеф? Там тихо. Кажется, вы думаете не о шахматах?

Штумфе (*держа в руке шахматную фигуру*). О, да! Я думаю о полковнике Краутсе, моем заводе и... Приходится много думать, люди так жадны... Перейдем в кабинет! (*Асе.*) Перенесите шахматы туда и спросите у повара, готов ли мне обед. (*Уходит с Заслоновым.*)

Ася. Я убью Краутса. Штумфе держит в несгораемом шкафу гранаты. Я возьму гранату и... Страшно... А-а, какая страшная жизнь, какая страшная!..

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же комната часа два-три спустя. Из кабинета Штумфе выходит Ася. В руках у нее граната.

Ася. Или лучше — из револьвера? Взять револьвер или...

В коридоре слышны шаги. Ася поспешно прячет гранату в сумочку. Входит Штумфе.

Штумфе. Отличный обед, но Краутс испортил весь аппетит. Я очень люблю кушать курицу, а съел только одну ножку.

Ася. Краутс... жесток.

Штумфе. Жесток — пустяки! Жаден — вот плохо. Я чрезвычайно расстроен его жадностью, почти фантастической.

Ася. Вы не будете работать вечером, господин шеф?

Штумфе. Как мне работать, когда я теряю много-много тысяч марок? Я вынужден принять в компанию в мой лесной завод жадного и ничего не понимающего в лесной промышленности субъекта. О, война! Она чрезвычайно ослабляет нравственность. Я страдаю...

Ася. Мне можно идти, господин шеф?

Штумфе. Я приказал пригласить сюда Егорушкина, начальника водоснабжения. Проверьте, почему его нет. И Заслонова. Мне не нравится положение с водой.

Ася. Заслонова?

Штумфе. А что? Вы можете сказать что-нибудь подозрительное о Заслонове? Станный инженер. Я ему верю час, а другие два часа не верю. Но мне было бы трудно без него. Что вы скажете о нем?

Ася. Я его совсем не знаю.

Штумфе. Он тоже очень жадный. Боюсь, что это он рассказал о прибылях на моем заводе полковнику Краутсу.

Ася. Что вы, господин шеф! Вы сами всем рассказываете о своих прибылях.

Штумфе. Да, я очень, очень доверчив. Мне моя супруга и даже мои дети в Германии всегда говорят: «Ты, Генрих, многое можешь потерять, если всем доверишься». И, увы! Се-

годня я потерял... Моя супруга и мои дети значительно обеднели... Можете итти, я не могу работать, я расстроен. Война — прибыльная вещь, но она очень отражается на сердце.

А с я уходит.

(Достает записную книжку, смотрит в нее и сокрушенно вздыхает.) Мерзавец! Грабитель! Полковник германской армии — мерзавец и грабитель. Как тяжело!

Входит Заслонов.

Заслонов. Добрый вечер, господин шеф. Штумфе. 884 идет ютлично. Чеба — прекрасный механик. А?

Заслонов. Я очень рад ошибиться, господин шеф. И я радуюсь вашей прозорливости.

Штумфе. У меня есть прозорливость на пользу моего государства. Но мало на мою пользу.

Заслонов. Какие-нибудь неполадки на лесном заводе?

Штумфе. Да. Очень большие неполадки. Я предполагал разбогатеть и уехать отдыхать в Германию...

Заслонов. Вас задерживают военные условия, господин шеф?

Штумфе. Какие военные условия, если у вас полон бумажник? У меня опорожнили бумажник. И я опасаясь, что его могут опорожнить еще больше. У меня кружится голова, мне кажется, что я заблудился в лесу...

Заслонов. Понимаю вас. Я сам вырос в лесу. Лес — это странная штука, господин шеф. Он полон загадочности и суеверий даже и тогда, когда он повален и превращен в доски, как, например, на вашем заводе. Вам может показаться удивительным, но для меня зимний лес всегда напоминает рыжего петуха.

Штумфе. Петуха? Ха-ха-ха! Очень поразительная ассоциация. Лес и рыжий петух! Ха-ха-ха!

Заслонов. Может быть, потому, что моя мамаша в затруднительных случаях, особенно, если они связаны с лесом, всегда гадала при помощи рыжего петуха.

Штумфе. И... угадывала?

Заслонов. Конечно. Задуманные ею предприятия при помощи рыжего петуха всегда удавались.

Штумфе. Забавно. Как же это гадают при помощи рыжего петуха?

Заслонов. Чрезвычайно просто. Вы рассыпаете на полу двенадцать зерен.

Штумфе. Двенадцать зерен. (Записывает.)
Каких зерен?

Заслонов. Разумеется, ржи. Рассыпали?

Штумфе. Да.

Заслонов. Затем выпускаете рыжего петуха и начинаете считать до двенадцати, в то же время... Впрочем, извините меня, я болтаю вздор.

Штумфе. Почему вздор? Очень высокие люди Германии занимаются астрологией, хиромантией и даже магией. Над будущим не одна завеса, господин инженер, а много. И есть много способов приподнимать эту завесу. Продолжайте, пожалуйста.

Заслонов. Итак, вы начинаете считать до двенадцати, а петух начинает клевать зерна. Если до конца вашего счета петух успел склевать все двенадцать зерен, вас ждет необычайная удача, причем, само собой понятно, вам надо смотреть: какие зерна и с какой стороны клюет петух,— оттуда идет удача.

Штумфе. Заслонов! Я сейчас принесу зерен ржи и прикажу найти рыжего петуха. Мы будем гадать.

Заслонов. В вашем кабинете, господин шеф?

Штумфе. Гадают не только в моем кабинете, гадают в кабинете фюрера! (Уходит.)

Входит Егорушкин.

Егорушкин. Константин Сергеич, есть тут еще кто?

Заслонов. Суется. Краутс суется, Штумфе того более, даже эта вертихвостка Ася — и та беспокоится. Мы одни, Егорушкин.

Егорушкин передает ему бумажку.

От Осипа Иваныча? (Читает.) Все насчет Пелагеи Семеновны. Что он такой мрачный?

Егорушкин. Помирать кому охота, Константин Сергеич!

Заслонов. И ты уверен, что ему я велел помирать?

Егорушкин. Мы так тебя поняли, Константин Сергеич, что надо спасти Коржня... а там, в паровозе, ведь немец с пистолетом стоит... Ну, Чеба и решил. Так что ты уж помоги Пелагее Семеновне.

Заслонов. Помогу. А ты?

Егорушкин. Прошу поручить мне дело Чебы — взрыв клуба.

Заслонов. Нет. Для взрыва нужен чело-

век точный, а ты нервный, ты игрок. Назначу тебе взрыв клуба в семь, а ты взорвешь в пять.

Егорушкин. Стар я, стало быть, головой слаб?!

Заслонов. И кроме того, в тебе немцы не сомневаются. После меня ты принимаешь все диверсии по Орше.

Егорушкин. А ты куда ж, Константин Сергеич?

Заслонов. Меня уже три раза в гестапо таскали, а в четвертый не выйти. Да и напутал следов я много. Сказал немцам, что в поезде 99 едет моя жена, а она в Чкаловской области; что поеду я в Зальцбург... Придется в леса уходить. А жалко Оршу оставлять! Бьют наши немца под Москвой, немец резервы подбрасывает, а мы их — под откос. Сколько мы с тобой запланировали крушений и порч паровозов на три месяца?

Егорушкин. Двести пятьдесят.

Заслонов. А выполнили сто семьдесят восемь. Впервые плана своего не выполняю. Значит, не отвлек внимания неприятеля в сторону, не разделил его силы.

Егорушкин. Да ведь и трех месяцев не прошло, Константин Сергеич. Успеем еще...

Заслонов. Сегодня?

Егорушкин. Что сегодня?

Заслонов. Сегодня успеем?

Егорушкин. Семьдесят два паровоза в один день?

Заслонов. Испугался?

Егорушкин. Я, Константин Сергеич, стар, мне шестьдесят. Чего мне немца пугаться?

Заслонов. Ух, как покраснел! А говорит: «Я не нервный». Опасаюсь, что радиogramму, которую я тебе сегодня поручил, от нервности ты перепутал.

Егорушкин. Да что ты придираешься, Константин Сергеич! Радировал точно: прилетать бомбардировщикам в пять вечера, сигнализировать — зеленая, красная, зеленая ракеты... Еще чего надо?

Заслонов. Зеленая, красная, зеленая? Прошлый раз была красная, зеленая, красная. Так? А ракетница где? Принес ты ее тогда мне?

Егорушкин. Нет, не принес.

Заслонов. Спичками я сигнализирую? А со мной рядом в бомбоубежище генерал немецкий сидел. Дай бы я сигнал, наши бы такую бомбу в убежище спустили, от генерала и капельки соплей не осталось бы! А генерал-то какой — фон Бургтер! Птица страус!

Егорушкин. Страус-то страус, да ведь в одной клетке с этим страусом ты сидел, Кон-

стантин Сергеич. Вот я и не послал тебе ракетницу. Да оно и к лучшему. Благодаря тому генералу ты от смерти ушел, от гестапо...

Заслонов. Это разговор другой, а вот что ракетницу не прислал, есть невыполнение приказаний начальника отряда, и за это объявляю тебе, Егорушкин, строгий выговор.

Егорушкин. Слушаю. Прикажете итти, товарищ начальник?

Заслонов. Сегодня ты ракетницу принес? Давай! (Кладет в карман ракетницу.) Ну как, рубанем, Егорушкин?

Егорушкин. Рубанем, дядя Костя.

Заслонов. Чувствую: сегодня здорово рубанем немца. Иди сообщи ребятам, чтоб зажгли лесной завод № 3. Через полчаса!

Егорушкин. Трудновато будет через полчаса, Константиң Сергеич.

Заслонов. Трудновато? Охрана сильная? А русским людям, которых мучают, пытаются немцы,— русскому народу не трудновато? Он ждать тебя будет? Верочку Максимову знаешь? Девушку из конторы?

Егорушкин. Такая беленькая?

Заслонов. Такая беленькая, да! И вот запытали — умирает в подвале. А там еще есть приговоренные. Нетерпелив ты, Егорушкин, да фолько, вижу, на водку.. А на тебя, Егоруш-

кин, вся Россия смотрит, ждет подвига. Шестьдесят лет, говорит, мужику, а он какой герой!

Егорушкин. Иду, Константин Сергееч!

Заслонов. Иди, а то, кажется, Штумфе возвращается... с рыжим петухом... Через часик отсюда из окошечка увидит он своего рыжего петуха на лесном заводе...

Егорушкин уходит.

(Берет телефонную трубку.) Петр Григорьевич, кто это приказал рассредоточить составы? Да! Отменить! Все ремонтные бригады рабочих отправить в поезде 65. Да! Приказ Штумфе.

Входит Штумфе.

(Штумфе.) Да, да! Я приказал от вашего имени посадить под арест на трое суток Егорушкина. С водой чорт знает что делается! А где же рыжий петух?

Штумфе. Оказывается, рыжего петуха трудно достать. В этой стране все трудно достать.

Заслонов. Кроме смерти.

Штумфе (ищет что-то на полу). Вы сказали — смерти? В ваших словах есть частица правды: я последнее время много думаю о смерти. Я никогда столько не думал о смерти! Я всегда думал о доходах, о семье, о друзьях, о

кушанье, но о смерти... Вы не заметили небольшой ключик от несгораемого шкафа?

Заслонов. А вон он, возле стола, блестит. Разрешите? *(Наклоняется, делает вид, что шарит, и подает ключ.)* Мне, собственно говоря, не надо было б указывать вам ключ. В шкафу, наверное, секретные бумаги, и Краутс скажет, что я подобрал ключи...

Штумфе. Я вам доверяю, инженер. Краутс вам тоже доверяет, но у него профессия: он не может не подозревать. Подозрение — вещь заразительная. И я тоже...

Заслонов. Заразились?

Штумфе. Я начинаю думать, что в городе есть партизаны. Я подозреваю, что в деревнях их меньше, чем в городе. Буду откровенен, инженер. Час тому назад я уговорил полковника отправить еще отряд на охрану лесного завода № 3, а теперь начинаю думать, не распыляем ли мы силы...

Заслонов. Разрешите мне прервать вас, господин шеф. Я не люблю слушать военные тайны. Это меня не касается. Я — узкий специалист.

Штумфе. Я знаю, что вы — узкий специалист, и поэтому делюсь с вами своими волнениями. О, господин Заслонов! Не так трудно овладеть сокровищами, как трудно их сберечь. У меня

трое детей. Старший мой сын — хороший хозяин, энергичный, бережливый. Второй, хотя и молод, но уже виден другой характер. Он мот, пьяница; мало того, он развратник. Но — странный порядок природы — я его люблю больше всех. И скажите мне, инженер, вы, русский, хорошо знаете, что такое мотовство, скажите, неужели, он, Альбрехт, промотает мой лесной завод, добытый с таким трудом?

Заслонов. На это может ответить только рыжий петух, господин шеф.

Штумфе. Я приказал, чтоб через полчаса рыжий петух был здесь.

Заслонов. Убежден, что вы его увидите, господин шеф. Не сыграть ли нам еще партию в шахматы?

Штумфе. Нет, нет, я чересчур взволнован.

Незаметно входит Краутс.

Краутс. А кроме того, все ваши партии, Заслонов, проиграны. Проиграны благодаря моему мудрому ходу: я поднял цену на вашу голову!

Заслонов. Смотрите, господин полковник, как бы из-за ошибочных расценок не произошла в Германии инфляция.

Краутс. Я назначил десять тысяч марок за голову партизанского вожака и узнал все.

Штумфе. Что же вы узнали?

Краутс. Взрыв в клубе лесопромышленности назначен сегодня на пять пятьдесят. Кроме того, в пять тридцать убивают меня! Но я, я... *(Подбегает вплотную к Заслонову.)* Но я перехитрил вас! Через полчаса я назначаю собрание в клубе — за полтора часа до вашего взрыва! Что вы скажете на это, Заслонов?

Заслонов. То, что вы думаете.

Краутс. А что я думаю?

Заслонов. Вы думаете: хорошо было бы послать нашим агентом в шайку партизан его, Заслонова.

Краутс. Вздор!

Штумфе. Глупейший вздор!

Заслонов. Другого выхода у вас нет. Партизан надо обезоружить, так как они чудовищно рассредоточивают ваши силы. Рассредоточивают настолько, что, несмотря на опасность взрыва, вы все равно устроите собрание в клубе лесопромышленности, и вы, полковник, должны будете туда поехать. Городские деятели и городские агенты встревожены, их надо успокоить.

Краутс. Я не поеду!

Штумфе. Тревоги среди немцев и дружественных нам русских нет. Видите, я тоже не еду в клуб лесопромышленности.

Заслонов. Завтра, перед тем как сесть в

поезд, направляющийся в Зальцбург, я хотел бы получить десять тысяч марок. Приятная сумма. Я получу ее, если поймаю партизанского вожака?

Краутс. Вы их получите.

Заслонов (*Штумфе, указывая на Краутса*). Остерегайтесь полковника. Он любит играть словами. Только что он обвинял меня в диверсиях, а сейчас поручает мне поймать диверсанта. Я извиняю вам, полковник, ваш поступок. Он объясняется тем, что ваши сведения плохо проверены. Поезжайте спокойно в клуб лесопромышленности. Постараюсь через час сообщить вам точные сведения о взрыве, о вашем убийстве и прочих неприятных вещах...

Штумфе. У вас, инженер, есть подозрения? Кого вы подозреваете?

Краутс. Ваши глаза бегают, инженер?

Штумфе. Да, они покраснели. Господи полковник! Меня чрезвычайно волнует вся эта ситуация. Я и доверяю инженеру Заслонову и...

Краутс. Я тоже «и»... Но что я могу сделать, если вокруг меня снега, холод и это проклятое «и»? И нет друзей! Заслонов, я согласен. Ищите.

Заслонов. Найду.

Краутс. Штумфе, вам пора ехать в клуб.

Штумфе. Но я необходим здесь. Поезда...

Краутс. Здесь остаюсь я! Штумфе!..

Штумфе. Еду.

Краутс. Заслонов! Какой дорогой поедет Штумфе?

Заслонов. Есть две дороги. Мимо гостиницы и мимо бывшего доминиканского монастыря.

Краутс. А мимо немецкого кладбища?

Заслонов. Там дорога ремонтируется, а кроме того, лесок.

Краутс. Что же — лесок?

Заслонов. Из леса легче бросить бомбу.

Штумфе. Какую бомбу?

Заслонов. Ту, которая разрывается и от которой человек тоже разрывается.

Краутс. Штумфе, он прав. Вы поедете мимо гостиницы.

Штумфе. Еду. Ну, а петух?

Краутс. Какой еще петух?

Штумфе. Астрологический опыт с петухом, господин полковник.

Краутс. Глупости!

Заслонов. Я тоже говорю, что глупости. Законы войны и законы рыжего петуха, хм...

Краутс. Рыжий? Позвольте. Но что-то я слышал об этом рыжем петухе в детстве... Он клюет зерна, не правда ли? У вас опять в глазах усмешка, Заслонов?

Заслонов. А вдруг петух-то знает больше и лучше, чем кончится эта война?

Штумфе. Возможно. Вот вы, господин полковник, перенесли собрание в клубе на полтора часа раньше, а может быть, петух скажет другое.

Краутс. Штумфе? Трусите ехать?

Штумфе. Я — не офицер, а промышленник, войной назначенный в шефы станции. Кроме того, дорога мимо гостиницы мне кажется опасной.

Краутс. Поезжайте мимо доминиканского монастыря. Впрочем, почему мимо доминиканского монастыря? Вы едете мимо гостиницы. И смешно! Смешно, Штумфе, и постыдно думать вам о рыжем петухе. И кто выдумал этого рыжего петуха? Что это, намек? Намек на огонь? Опять вы, Заслонов! Не глядите на меня такими глазами, иначе я вас прикажу повесить. Я и без вас найду партизана! Я назначу пятьдесят тысяч марок, сто тысяч, но найду. Что вы этим взором создаете во мне?

Заслонов. Я ничего не создаю в вас, господин полковник, вы напрасно кричите на меня. Вы сами создали в себе...

Краутс. Что? Что я создал?

Заслонов. Если б я был петухом, я ска-

зал бы, что вы создали в себе предчувствие смерти.

Краутс. Это вы чувствуете приближение смерти, инженер!

Заслонов. Абсолютно не чувствую.

Краутс. К стенке!

Заслонов (пожимая плечами). Пожалуйста.

Краутс. Не держитесь за стул. Стойте прямо.

Заслонов. Голову поднять? Вот так? Торопитесь стрелять, господин полковник, а то опоздаете на заседание в клуб.

Краутс. Нет. Сначала я тебя поймаю, а затем... двадцать раз убью! Убью! (Убегает.)

Штумфе растерянно идет к дверям.

Заслонов. Умный! С такими умными приятно иметь дело. Но все его несчастье в том, что он преувеличивает размеры своего ума. Господин шеф! А ведь, кажется, вам несут рыжего петуха.

Штумфе. Да, да! Я не знаю, ехать мне или остаться. (Кричит.) Господин полковник! О, кажется, он хочет убить моего петуха. Господин полковник, господин полковник!... Умоляю вас... (Убегает.)

Заслонов (садится за стол, работает).

«Замечающиеся обрывы автотормозных рукавов... пережоги топлива... есть возможность урегулировать». (Выстрел.) В петуха разрядил. Горяч, но не глуп, шельма.

Пауза. Входит Пелагея Семеновна.

Заслонов. Здравствуйте, Пелагея Семеновна! Как поживаете?

Пелагея Семеновна. Да как же тут поживать, Константин Сергеевич! Мало им людей — петухов начали стрелять.

Заслонов. Стало быть, это ваш убиенный петух-то, Пелагея Семеновна?

Пелагея Семеновна. Мой, мой, Константин Сергеевич. Велели привезти к шефу. Думаю, верно, для Германии рыжих петухов мобилизуют, я и погрузилась...

Заслонов. И лошадь ваша?

Пелагея Семеновна. Да ведь какая ж это лошадь, Константин Сергеевич? Она ведь еще в ту германскую снаряды возила.

Заслонов. На лошади петуха и привезла? С утра запряжена?

Пелагея Семеновна. Хозяин велел раным-рано запрячь.

Заслонов. Осип Иваныч?

Пелагея Семеновна. У меня один хозяин — Осип Иваныч.

Заслонов. Машинист Осип Иванович Чеба? А имущество зачем он велел погрузить на телегу?

Пелагея Семеновна. Велел — и погрузила. Мое дело бабье.

Заслонов. Побольше бы нам таких баб, Пелагея Семеновна.

Пелагея Семеновна. Ну уж и скажешь — побольше.

Заслонов. Осипа Ивановича послали с поездом 884. Полковник Крауц послал. Понятно? Я не знаю, что Осип Иванович думает, но он велел тебе, Пелагея Семеновна, гнать лошадь к Семеновскому ручью. Понятно?

Пелагея Семеновна. Да я утром и спрашиваю: куда, мол? А он: «Поедем мимо Семеновского ручья...»

Заслонов. А ехать-то тебе, Пелагея Семеновна, к Семеновскому ручью не мимо ли немецкого кладбища?

Пелагея Семеновна. Нет, другой дорогой.

Заслонов. А я тебя попрошу — сверни. Крюк невелик.

Пелагея Семеновна. Да ведь времени нету.

Заслонов. Встретится тебе там такая девушка — Ася.

Пелагея Семеновна. Не по дороге. Она с немцами путается. Сикритарь, что ли?..

Заслонов. Выбежит она из немецкой машины. А в машине — полковник Краутс, убитый. Кем? Не твое знание. Твое знание посадить ее в телегу. Да скажи ей: «Дядя Костя вам верит». Вот и все.

Пелагея Семеновна. А у меня и шуба есть ее прикрыть. Я ее на случай — под матрац да шубой. Понятно?

Заслонов. А говоришь, поменьше бы нам таких баб. Побольше бы! Ну, с богом, Пелагея Семеновна.

Пелагея Семеновна уходит.

Заслонов.

Пусто, одиноко сонное село,
Вьюгами глубоко избы занесло.
Лишь в одной избушке...

Вбегает Ася.

Ася. Мне нужно вернуть Штумфе ключ от шкафа. А то вы здесь целый день. Он может подумать на вас, Константин Сергееч.

Заслонов. Ключ? У него есть ключ. Он только что отмыкал шкаф.

Ася. Значит, у него два ключа? Это невозможно.

Заслонов. У шкафа как раз такой со-

лидный вид, что ему без двух ключей не обойтись.

Ася уходит в кабинет и быстро возвращается. Заслонов напевает.

Ася. Я положила гранату. И взяла револьвер.

Заслонов. Вот уж что мне неинтересно — то неинтересно.

Ася. Вы знаете, Верочка от побоев... умерла.

Заслонов. Немцы не бьют. Она, наверное, умерла с испуга.

Ася. И я решила застрелить Краутса. Граната — чепуха. Я хочу видеть, насладиться его испуганной рожей.

Заслонов. Ася! Вы — агент?

Ася. Какой агент?

Заслонов. Немецкий. Агент гестапо. Так чтобы вы не тратились зря, доложу вам, что я тоже агент и тоже ловлю дурачков на любовь и на нежность к разным замученным Верочкам, на которых мне в высшей степени наплевать.

Ася. Я — не агент.

Заслонов. И я в таких случаях говорю, что я — не агент.

А с я. Как это ужасно!

З а с л о н о в. Жизнь и война. Ну, и большевики, конечно, надоели.

А с я. Мне они совсем не надоели.

З а с л о н о в. Удивительный факт из вашей биографии.

А с я. Неправда! Я знаю — вы мне не верите: переводчица у немцев. Но я докажу. Я застрелю Краутса. Он сейчас поедет в клуб...

З а с л о н о в. Ну, поедет. Во-первых, не Краутс, а Штумфе...

А с я. Краутс передумал. Решил ехать сам.

З а с л о н о в. Во-вторых, Краутс поедет на машине, и вы, милая, опоздали.

А с я. Опоздала? А может быть, у него испортится машина, он остановится, и я... я догоню его! Мне бы узнать, по какой дороге он поедет: мимо гостиницы или мимо доминиканского монастыря?

З а с л о н о в. Он поедет мимо немецкого кладбища.

А с я. Там плохая дорога.

З а с л о н о в. Такова уж немецкая психология, насколько я ее понимаю. Ну, простите меня: надо работать. *(Раскрывает папку.)*

А с я. Заслонов! Нет! Мне Коржень говорил, что вас зовут дядя Костя. Да? Ну, дядя Костя,

хороший, добрый... Я твердо уверена, что вы добрый, но вам надо быть почему-то злым. Дядя Костя! Поверьте мне на минутку, только на одну минутку. Я глупая была, у меня братишку убили на войне, осталось трое... да еще мама... И кушать нечего... Я и поступила переводчицей... Но я всегда была советской. Вы верите мне, дядя Костя, хороший дядя Костя, верите?

Заслонов. Это вам скажет Пелагея Семеновна.

Ася. Какая Пелагея Семеновна?

Заслонов. Вот та самая.

Ася. Я ничего не понимаю, ничего!

Заслонов. Скоро поймете.

Ася. Боже мой, но что же мне делать? Итти, ехать к немецкому кладбищу? На чем?

Заслонов. Если уж вам так хочется погулять по немецкому кладбищу, попросите полковника Краутса: он довезет, ему по пути. Вам что, на могилу немецкого офицера надо цветы положить?

Ася. Да, да! Цветы. Хорошо придумано!

Заслонов. Рекомендую только завернуть их в газету — мороз, могут замерзнуть. Вот вам газета. Извините, мне надо работать. (У-

лубляется в бумаги.) Да и вам надо торопиться: Краутс с минуты на минуту уедет.

А с я. Прощайте, дядя Костя. Спасибо.

Заслонов (не отвечает, идет к двери, приоткрывает ее). Петр Григорьевич, не одолжишь ли мне счета?

А с я уходит. Заслонов подходит к двери, слегка приоткрывает ее. В дверь кто-то протягивает счета. Заслонов берет их. Слышен неразборчивый голос. Заслонов слушает, перебрасывая костяшки.

Заслонов. Что-то неправдоподобное, Петр Григорьевич. Поезд 884 насккивает на поезд 99? 884 — вдребезги, а 99 — цел? Как же так? Я еще таких сведений не получал. А, у Штумфе? Ну, что же? Я тут не при чем. Он сам выбирал машиниста Чебу. (Отходит к своему столу, напевает.)

Пусто, одиноко сонное село,
Вьбгами глубоко избы занесло.
Тишина немая в улицах пустых,
И не слышно лая псов сторожевых.
Лишь в одной избушке огонек горит...

Входит Штумфе.

А, господин шеф! Вы не поехали в клуб? Что же с петухом? Неужели господин полковник так-таки и пристрелил его?

Штумфе (*уныло опускаясь на стул*). Ужасное событие! 884 наскочил на 99! Краутс уехал. Он еще не знает. Что я ему скажу? Вот он сейчас позвонит по телефону. Что я ему отвечу? Мертвые! Солдаты гестапо. Семьсот! Все мертвые! О! О-о-о! Немцы мы или не немцы? Я вас спрашиваю?

Заслонов. Вы — немцы.

Штумфе. Победители?

Заслонов. Безусловно, победители.

Штумфе. Так почему на моем сердце нет спокойствия? Почему я не могу спокойно зарабатывать и откладывать деньги? Почему у меня нет немецкого достоинства, а я бегаю и визжу, как щенок? Почему, я вас спрашиваю?

Заслонов. Вы меня спрашиваете, так сказать, теоретически?

Штумфе. А, отстаньте с вашей теорией!

Заслонов. Что же касается практики, так я же вам говорил: не посылайте с 884 машинистом Осипа Чебу.

Штумфе. Чеба? Что Чеба? (*Слышен отдаленный взрыв.*) Вы слышите? Бомбежка. Русские самолеты.

Заслонов (*глядит на часы*). Нет. Сирены не было. Кто-нибудь опять побаловался с гранатой, вздумал в Днепре рыбу глушить.

Штумфе. Зимой глушить рыбу? Вы смеетесь? Что у вас в глазах? (Хватает телефонную трубку.) Какой взрыв? Клуб? (Заслонову.) Это очень ужасно. Взрыв в клубе. Я беспокоюсь за Краутса.

Заслонов. Он не успел доехать. Сейчас он как раз возле немецкого кладбища.

Штумфе. Откуда вам известно, что он едет мимо немецкого кладбища? Мне не нравится этот разговор. Заслонов! Вы чересчур много знаете. Вы мне внушаете подозрение. Да! Теперь я понимаю: Чеба — ваш партизан.

Заслонов. Подозрение заразительно. Вы заболели болезнью Краутса, дорогой шеф.

Штумфе. Я вам не дорогой! Краутс прав. Вы подслушали, что Краутс узнал, где вложены мины под клуб, и поехал арестовать минера, а вы... вы в это время отдали приказ взорвать клуб!

Заслонов. Ну и что же? Отдал приказ. Верно. Я, господин шеф, так рассчитал: мой минер — человек нервный и взорвет клуб раньше времени — на час, на два. Так оно и случилось. Он взорвал как раз в те минуты, на которые господин полковник Краутс перенес собрание. Сознаюсь. Но ведь неплохо сделано?

Штумфе. О, я не могу верить! Что вы говорите?

Заслонов. Только правду, господин шеф, только одну голую и чудесную правду. Да, по моему приказанию Чеба столкнул поезда. По моему приказанию взорван клуб лесопромышленности со всем фашистским содержимым. По моему приказанию убит полковник Краутс и будете убиты вы!

В соседней комнате шум, крики. Падают стулья, кто-то бежит. Распахивается дверь, и показывается окровавленный, тяжело раненный Краутс.

Краутс. Полковник Краутс не убит! Нет! Убиты будете в... вы... Заслонов. Я обещал вас убить.

Заслонов. Мало ли что обещали немцы, полковник.

Краутс. Я обещал... я убью! Я приехал... В меня стреляли... Я не убит... Я буду стрелять... *(Поднимает револьвер.)*

Заслонов. Осторожно! Что произошло с этим безумцем? Он целится в вас, Штумфе!

Штумфе. Да, вы целитесь в меня, полковник. Опомнитесь! Это я, я, Штумфе. Куда же вы целитесь, Краутс?

Крауцс. Жизнь убегает... Меня убил Заслонов... Я собрал последние силы, я еле дотащился... Штумфе... где ваш петух?

Штумфе. О, господин полковник! Я приказал сжарить рыжего петуха. Вы хотите кушать?

Крауцс. Я хочу жить... но я... Штумфе, они подожгли ваш лесной... номер третий... он горит...

Штумфе. Мой лесной завод горит?! (Теребит Крауцса.) Вы бредите, полковник. Вы ошибаетесь!

Крауцс (опускается на пол). Заслонов зажег ваш лесной... Заслонов. Я ослеп, Штумфе. Убейте вы Заслонова, а я... (Умирает.)

Штумфе. Полковник, полковник!

Заслонов. Подох ваш полковник. Ну что ж, никто нам не помешает теперь своими подозрениями. Поговорим, господин шеф, теоретически. А?

Штумфе. Я убью вас, инженер.

Заслонов. Берите ж револьвер, вон он лежит. Что? Не можете? Нет, если уж меня Крауцс не убил, то вам, Штумфе, не убить и подавно. А кроме того, ведь завод-то ваш действительно горит. Ну что ж, берите револьвер, берите, пока не поздно. (Достает револьвер.) Ну, сопротивляйтесь же! Куда вы?

Штумфе (встает и твердо направляется к столу). Я иду к телефону.

Заслонов. Пожалуйста.

Штумфе (берет трубку). Говорит шеф. Дайте комендатуру. Комендатура? Говорит шеф. Что?! Мой лесной завод? Да? Горит? (После паузы. Твердым голосом.) Я прошу прислать солдат, арестовать виновника пожара — инженера Заслонова. Да. У меня. Да. Человек, который сжег мой завод, должен быть повешен. Да. (Кладет трубку. Заслонову.) Вас повесят. Вы арестованы.

Заслонов. Должен вам сказать, господин шеф, что свое имущество вы умеете лучше защищать, чем государственное. Положим, вы правы. Чего вам защищать имущество Германии, когда его сейчас начнут бомбить русские самолеты?

Штумфе. Как поздно я вас разгадал! Это вы сигнализировали им?

Заслонов. Да, я им радировал.

Штумфе кидается к телефону.

Не трудитесь, линия перерезана.

Штумфе бежит к дверям.

Штумфе, остановитесь! Зенитчиков надо застигнуть врасплох. Остановитесь!

Штумфе выбегает за дверь. Заслонов стреляет — крик и падение тела за дверью.

Ну вот, дурак, предупреждал тебя—остановись.

Сирена. Входит Ася.

Ася (*трепещущая от счастья*). Константин Сергеич!

Заслонов. Слышите, Ася? Это наши летят. Ну, поздравляю вас, Ася, вы стреляете очень хорошо.

Ася. Константин Сергеич, я уговорила Пелагею Семеновну захватить за вами.

Заслонов. Нет, поздно на лошади. Пойдем в лес пешком. Теперь я вас поведу. Но прежде всего...

Ася. Да, да, прежде всего — Женя спасся?

Заслонов. Спасся. Да и Чеба тоже спасся. Будем все вместе. Но прежде всего я должен сказать... (*Шаги.*) Кто это там? Неужели солдаты? Меня арестовывать? (*Берет револьвер.*) Кто там?

Четкие и ровные шаги приближаются. Дверь распаивается. В белом колпаке и переднике повар. В руках у него блюдо, прикрытое салфеткой.

Повар. По приказанию господина шефа станции, петух, жареный картофель, пиво.

Заслонов. Нет, в Германии есть еще дисциплина. Благодарю вас, господин повар, от имени шефа станции. Можете идти.

Повар. Приказаний других не будет?

Заслонов. Нет, только восхищение.

Повар уходит.

Итак, прежде всего я должен вам сказать, Ася... *(Берет газету и заворачивает петуха.)*
Пиво тоже захватите, я голоден.

Ася. Скорей, Константин Сергеич!

Заслонов. Да, вы правы: я забыл дать ракеты...

Ася. Какие ракеты?

Заслонов. Видите ли, я обещал нашему командованию взорвать в течение трех месяцев двести пятьдесят немецких поездов и паровозов. Я могу выполнить план только при поддержке всей советской общественности. И поэтому я должен указать нашим бомбардировщикам, нашей общественности, куда класть бомбы. Зеленая... *(Открывает форточку и пускает ракету.)* Но прежде всего я должен вам сказать, Ася, что... красная... *(пускает ракету)* что я лично, Ася, насчет любви к вам... зеленая...

(пускает ракету) насчет любви делал испытание: я люблю одну женщину — мою жену.

А с я. А я одного мужчину — Женю Коржня.

Заслонов. Приятное единогласие. Позвольте, но ведь я зря хвалил повара. Он забыл положить хлеб! Нет, падает дисциплина в Германии. Падает с нашей помощью. Идем, Асенька! Надо ее подтолкнуть, чтобы она совсем упала. (Уходят.)

На сцену выбегает испуганный повар. Он кричит, воздев руки, что-то непонятное, испуганное. Грохот падающего здания. Темнота.

К О Н Е Ц

Редактор *С. Коляджин*

А13742. Подписано в печ. 1/11 1945 г.
„Искусство“ № 2837. Кол. печ. л. 2.
Уч.-изд. л. 1,9. Зн. в 1 п. л. 38,000.
Тираж 3000. Заказ 1944.

Цена 3 руб.

Тип. „Красный печатник“, Москва,
ул. 25 Октября, 5.

3 руб.

« ИСКУССТВО »